

ЕЛЕНА КОЛИНА

*КНИЖНЫЕ
дети*

ВСЕ, ЧТО МЫ НЕ ХОТЕЛИ
ЗНАТЬ О СЕКСЕ

Елена Колина

**Книжные дети. Все, что
мы не хотели знать о сексе**

«Елена Колина»

2011

Колина Е.

Книжные дети. Все, что мы не хотели знать о сексе / Е. Колина —
«Елена Колина», 2011

ISBN 978-5-271-38991-7

Вы любите заглянуть в чужое окно? Навести бинокль на чужую постель? Читать чужие письма? Понятно, что нельзя, но если бы вдруг оказалось — можно?.. Все совершали и продолжают совершать плохие поступки, все хороши! Две неразлучные подруги, тоненькая, большеглазая, похожая на холодного боттичеллиевского ангела Зина и пухленькая, похожая на шаловливого рубенсовского ангела Ася. Одна упертая максималистка, другая легкого поведения, легкого, как воздушный шарик. И обе отнимут друг у друга все, что им нужно... А вот как они поделят ЕГО?

ISBN 978-5-271-38991-7

© Колина Е., 2011
© Елена Колина, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Елена Колина

Книжные дети. Все, что мы не хотели знать о сексе

Эта история придумана, все персонажи и события вымышлены, и, если вдруг в ком-то проснется мысль «это похоже на меня...», – не волнуйтесь, это не так, это похоже на меня. Пожалуйста, не нужно аналогий, аллюзий, абберраций и ассоциаций, спасибо.

Вы любите заглянуть в чужое окно? Навести бинокль на чужую постель? Почитать чужие письма? Нет, понятно, что все это нельзя, но если бы вдруг оказалось – можно?..

Единственное, что роднит эту историю с реальной жизнью, – нет ни одного положительного персонажа, которому мы могли бы полностью довериться. Все совершали и продолжают совершать плохие поступки, все хороши. Вот они, одна упертая максималистка, другая вообще легкого поведения, легкого, как воздушный шарик, и обе отнимут друг у друга все, что им нужно, отнимут, отнимут... А за что они так его любят? Ведь он, кажется, все время их понемногу предает... Не будем с ними играть! Потому что мы сами не такие. Мы никогда никого не предавали и всегда отдаем другим то, что нам самим нужно.

*Ленинград, двор дома на углу улиц Маяковского и Некрасова
1972 год*

...Девочки ели снег.

Девочки, одна в белой цигейковой шубке, другая в черной, у одной сумочка с белочкой, у другой с зайчиком, вывалились из подъезда, толкаясь и смеясь.

– Я тебя защекочу, – пригрозила девочка с белочкой, пухлыми пальчиками пытаюсь пролезть к подружке сквозь возможные для доступа места – под неплотно завязанный шарф, в чуть коротковатые рукава. – Что, боишься?! Тогда будем есть снег. Чур, я первая!

– Чур, я вторая, – согласилась девочка с зайчиком.

Девочки ходили на английский к соседке по дому, учительнице английского из 207-й школы, три раза в неделю по часу. Они жили в одном доме, одна «вход с улицы», другая «вход со двора», и в первый класс пошли, слепившись на школьной линейке в трусливый комок, – белые гладиолусы переплелись с красными. Одна прижималась к другой чуть крепче, как будто черпая в новой дружбе уверенность, что ее не обидят, а другая чуть кокетливее – вот я, вот моя подружка, а какие тут еще возможности?

– Давай я расскажу тебе анекдот про булочку, – предложила девочка с белочкой. – Один человек пришел к врачу и говорит: «У меня глисты»...

Девочка с зайчиком смутилась – слово «глисты» неприличное, и дальше в этом анекдоте что-то будет... что *нельзя*.

Девочка в белой шубке с хитрым видом принялась запихивать снег в свою сумочку с белочкой, девочка в черной шубке смотрела на нее с ужасом – ты что делаешь?!

– Ты что, глупая, что ли?.. Я хочу, чтобы тетрадка намокла. У меня в тетрадке двойка, а снег ее смочит, мою двоичку, – объяснила девочка с белочкой. – И не нужно будет делать домашнее задание, и меня не заругают – тетрадка мокрая, а я не виновата...

– Но ведь если ты не сделаешь *домашнее задание*... – сказала девочка с зайчиком и не нашла дальше слов. Если не выполнить домашнее задание, мир перевернется, домашнее задание по английскому должно быть сделано для сохранения мирового порядка. – Мой папа говорит: «Нужно делать только то, что нужно, а не то, что хочется».

– А мой папа говорит: «К-ка-теночек мой! Лю-убимый мой!» – сказала девочка с белочкой.

Отличнице с сумочкой с зайчиком, в которой лежала тетрадка с жирной пятеркой, открылись новые миры: можно не бояться, не слушаться, не делать домашнее задание, а тебя все равно будут любить... открылись и тут же закрылись, – она так боялась нарушить миропорядок. А для ленивицы с сумочкой с белочкой, в которой таял снег, размывая домашнее задание и жирную двойку, никакого миропорядка не было, был уютный теплый хаос, где главное – чтобы не заругали.

У обеих девочек были знаменитые отцы.

Отец девочки с зайчиком – писатель, лауреат Государственной премии, автор многочисленных повестей, рассказов, публицистических очерков, член правления Союза писателей, депутат Верховного Совета.

Отец девочки с белочкой – художник – в день получения гонорара поил весь «Сайгон». В «Сайгоне», кафе на углу Невского и Владимирского, собирались художники, которые не выставлялись, поэты и писатели, которые не печатались, все они сначала, стоя, пили маленький двойной кофе в «Сайгоне», а затем вино у отца девочки с белочкой. Отец девочки с зайчиком не называл их снисходительно «коллегами», «непризнанными писателями» или зло – «плесенью», «глупым псевдолиберализмом властей города», они для него просто не существовали.

– А мой папа... а я зато буду счастливая. Мой папа говорит: «Счастье – это всегда поступать правильно», – сказала девочка с зайчиком.

– Ты будешь счастливая? А я уже сейчас счастливая, – похвасталась девочка с белочкой и, подумав, добавила: – А у нас дома есть бар.

Девочки жили в доме на углу Некрасова и Маяковского.

Квартира девочки с зайчиком – вход с Маяковского – была огромная, барская, с двумя действующими каминами, один в зеленых изразцах, другой в бело-золотых, и оба камин охранялись государством.

Квартира девочки с белочкой – вход с Некрасова – была длинно-коридорная, извилистая, уютно-запущенная-богемная. В Ленинграде не было ни одного бара, а на этой кухне была барная стойка из вагонки и самодельные высокие табуреты, «как будто в настоящем баре». А в комнате, пустой, без мебели, с выкрашенными в разные цвета стенами и одной специально вывешенной работой, была «как будто выставка одной картины в нью-йоркском лофте». Присутствовала и еще одна художественная деталь – строгая мама художника, бабушка девочки с белочкой. И все это – бар, выставка, строгая мама художника, придающая всему совсем уж абсурдистский характер, все это в старой петербургской квартире было «как будто», словно искусно придуманный коллаж, сочетание разнородных элементов для большей эмоциональной насыщенности. Такой же коллаж, такой же поп-арт, как и работы самого художника. На его холстах соседствовали повседневные вещи советского быта и предметы старой петербургской жизни: граненый стакан и пудреница арт нуар, банка из-под кильки пряного посола и сорти-де-баль, обертка плавленого сырка «Дружба» и афиша спектакля Мейерхольда «Тристан и Изольда» в Мариинском, бутылка жигулевского пива и найденная на помойке ножка кресла фабрики Мельцера – питерский поп-арт.

На жизнь отец девочки с белочкой зарабатывал – и прекрасно зарабатывал – не запрещенным поп-артом, конечно, а книжной графикой. Он был вполне процветающим художником, членом Союза художников, иллюстрировал детские книжки в издательстве «Детгиз». Но для души работал в стиле поп-арт, и однажды самодельный буклет с фотографиями его работ попал в одну американскую галерею, и – совсем уж из невозможного – говорили, что легенда поп-арта американский художник Энди Уорхол посвятил ему картину, написал: «Посвящаю моему коллеге, замечательному русскому художнику...» – отцу девочки с белочкой.

– У вас есть бар? – Девочка с зайчиком не знала, что такое «бар». Осторожно, словно ступив на тонкий лед, – ей говорили, что хвастаться нехорошо, сказала: – А я... я зато вчера каталась с папой на лыжах.

Вчера, в Комарово, она три часа каталась на лыжах, изнемогая от усталости, легла на снег, закрывала глаза и притворялась мертвой птичкой. Ее немолодой отец, прихрамывая, возвращался к ней, протягивал палку, она закрывала глаза и плакала, а отец говорил: «Я тебя не люблю за то, что ты плачешь», и тогда она хватала палку, вставала и, плача, тащилась за ним. «Это – для тебя, это правильное воспитание», – говорил отец, а она плакала еще горше и думала: «Я не хочу, чтобы меня воспитывали, хочу, чтобы меня любили».

– А у меня знаешь, сколько друзей?.. Меня все знают.

Отец девочки с белочкой дружил с неформальными художниками, их было в городе около пятидесяти, все друг друга знали, и каждый хотя бы раз в неделю заглядывал к нему.

Квартира на Некрасова была как будто яйцо в мешочек, в ней было две разные жизни – детская, с занятиями, с присмотром и воспитанием, и богемно-неформальная. В дальнюю комнату квартиры вход гостям был закрыт, там жила девочка с белочкой под присмотром бабушки. Девочка с белочкой все время из своей детской жизни высывалась во взрослую – то мимо пробежала и словно невзначай заглядывала поболтать, то в ночной рубашке выходила, терла глазки, и все восхищались – какая трогательная!.. Квартира на Некрасова была центром неформальной художественной жизни Ленинграда, и девочка с белочкой была центром неформальной художественной жизни Ленинграда.

– Это твоего папу все знают, а не тебя. Моего папу тоже все знают, а меня никто, – возразила девочка с зайчиком.

Один папа знаменит на всю страну, другой папа знаменит среди неофициальных художников Ленинграда, один на черной «Волге», другому великий Энди Уорхол написал: «Посвящаю моему коллеге...», – и что бы им не поспорить, чей папа главнее?.. Девочки любили поспорить: у кого косички толще, у кого бант больше, кто кого соберет – кит или слон. Папа-писатель, представитель официальной культуры, и папа-художник, представитель неофициальной культуры, относились друг к другу иронически, и девочки, конечно, это чувствовали. Но они никогда не спорили, чей папа лучше, потому что папа – это не косички и не слон или кит, *papa – это очень важно и можно поспорить*, а девочки очень сильно любили друг друга.

После того как девочки нашли друг друга, они всегда были вдвоем.

Обе девочки были необыкновенные. У них все было другое, от трусиков (какие на них хорошенькие кружевные трусики, было видно, когда переодевались на физкультуру) до заколок. Колготки, яркие куртки, лакированные туфли. На всех девочках некрасиво морщились рейтузы, иногда они случайно надевали их «коленками назад» и становились похожи на уродливых кузнечиков, а девочка с зайчиком и девочка с белочкой носили не отвратительные рейтузы в катышках, а тонкие брючки-джерси. У одной все появлялось из глубин распределителей, как будто ниоткуда, а у другой все имело конкретный адрес – эту кофточку привезли из Парижа, а эту из Лондона.

Девочка с зайчиком была слишком красивая, слишком особенная, даже октябрятская звездочка у нее была другая, у всех простая, железная, а у нее рубиновая, они не продавались в киосках Союзпечати. У нее даже имя было необыкновенное – Зина, когда все были Лены, Иры, Марины, но даже немодное простонародное имя приобретало новые изящные свойства, и никому не приходило в голову подразнить ее: «Резиновую Зину купили в магазине». Она вся была – слишком, поэтому девочки в классе не решались хотеть с ней дружить. Она тоже не хотела с ними дружить, она всегда хотела получать самое лучшее, а самое лучшее в этом классе и даже самое лучшее в мире была девочка с белочкой.

Девочка с белочкой была нежная интриганка. В классе все боролись за право сделать для нее что-нибудь, и она приближала к себе и, рассмотрев, быстро отдаляла – спасибо, не надо, это не то. Всех перебрала, со всеми передружила, всех перессорила, весь класс из-за нее не разговаривал. Приблизить, рассмотреть и выбрать лучшее, чем было до того, – это умение предавать

дружбу делало ее совсем уж невыносимо привлекательной, так что приближенный-оставленный оставался не оскорбленным, а счастливым, как будто на него мгновение посветила звезда.

Жизненные картинки девочек при всей внутренней разности были похожи – чтение-любовь-рисование-любовь-музыка-любовь, «состояние благодати, в котором эстетика и этика сливаются воедино»^[1]. Они прилипли друг к другу первого сентября, и к Новому году у них уже все было одинаковое: нытье перед выходными «можно она с нами...», дневники, испещренные замечаниями «Болтала на уроке!», привычка сновать из подъезда в подъезд с книжками, запыхавшееся «меня отпустили на десять минут», тягучее «ну побудь у меня еще немного, ну пожа-алуйста...» и украдкой прихваченное счастье – «ладно, еще пять минут». Была одна на двоих няня, нанятая отцом-писателем для сопровождения дочери в школу в соседний двор, один на двоих Дед Мороз – Дедом Морозом был отец-художник, одна на двоих учительница английского.

Девочки все время разговаривали, а если не разрешали разговаривать, то могли обойтись и без слов – смотрели друг на друга прилепленным взглядом, одна улыбнется и тут же другая. Всем казалось, что девочка с зайчиком руководит девочкой с белочкой, как серый кардинал, что девочка с белочкой плохо влияет на девочку с зайчиком... но их отношения были слишком тонкая материя, чтобы кто-то со стороны мог их оценить – они просто были как один человек.

– Все спрашивают «кем ты будешь?». Ну, я, конечно, буду писателем, как папа. Писатель – это владетель мира и двигатель всех судеб, – сказала девочка с зайчиком.

– Управлять миром – это слишком много для одного маленького ребенка, – сказала девочка с белочкой. – Давай я лучше расскажу тебе анекдот про булочку. Один человек пришел к врачу и говорит: «У меня глисты». А врач ему говорит: «На ночь пейте молоко и ешьте булочку». А он забыл молоко и только съел булочку. А утром вылезает глист и спрашивает: «А где булочка?»

– Откуда вылезает? – удивилась девочка с зайчиком.

– Ну, ты и наивная, ужас прямо, – сказала девочка с белочкой и зашептала на ушко девочке с зайчиком, зашептала-зашептала...

Ленинград, улица Маяковского, английская школа № 207, 8 класс, урок литературы, тема урока: «Рассказы Чехова», 1979 год

– Кто расскажет про социальную никчемность Душечки? – спросила учительница и поощрительно-насмешливо взглянула на девочек на третьей парте у окна: – Ну, давай ты, Зина... или ты, Ася... вы же у нас «книжные девочки». Они были «книжные девочки», вечно сновали из подъезда в подъезд с книжками в руках – «я уже прочтала, на тебе». Но «книжная девочка» – это не книжный мальчик, нежный толстый очкарик с глазами больше, чем очки, живущий в нереальном мире, до обеда он Д'Артаньян, после обеда Монтигомо Ястребиный Коготь, а завтра пятнадцатилетний капитан, Дюруа, князь Андрей и даже госпожа Бовари. «Книжная девочка» – это совершенно иной психотип. Для нее только *она сама* реальна, а все остальные – персонажи. Книжная девочка читает-читает-читает, но живет в реальном мире – шалит, влюбляется, играет во взрослые игры, идет на рискованные эротические эксперименты. Книжной девочке все это гораздо легче, чем просто девочке. Она использует чужой опыт, она уже знает то, что обычная девочка узнает гораздо позже или не узнает никогда.

Тоненькая, большеглазая, похожая на холодного ботичеллиевского ангела Зина читала все, а похожая на пухленького шаловливого рубенсовского ангела Ася читала только «про любовь». У Зины все прочитанное было сложено в голове, как в кладовке, все баночки по полочкам и все подписаны, она в любой момент могла вытащить все, что ей требовалось, – сюжет, имена персонажей, рассмотреть, приложить к себе и убрать обратно. Ася читала Мопас-

¹ По выражению У. Х. Одена.

сана и Золя – набиралась опыта. И пристально, как петух выглядывает зернышко в куче мусора, выбирала «про любовь» из «Войны и мира» – наполняла себя литературными любовями. Чужие любви роились у нее в голове, как будто это не книжки, а сплетни: «А он что?.. А она что?..»

Зина переживала, что она все еще плоская, почти как мальчик. Зина думала, что она плоская, как мальчик, а Ася – от Аси глаз не отвести! Ася как рюмочка – пышная грудь, талия перетянута широким ремнем, она будто затянута в корсет. А Ася думала, что Зина невыносимо красивая, а сама она просто толстушка. Но не переживала нисколько. Ася уже была желанной, любимой.

У Аси был роман со взрослым мужчиной. Ася сама не понимала, осталась она физически девственницей или нет, – скорее, нет. Во всяком случае, она себя больше девственницей не считала.

Как назвать сексуальные отношения взрослого и пятнадцатилетней девочки – любовь? Зина настаивала на страшных книжных словах «растление», «созвращение», а Ася ни за что не согласилась бы с расхожей формулировкой, что ее «растлил какой-то тип». Она не влюбилась в этого человека, но это было еще лучше, чем любовь, – быть не такой, как все, вести двойную жизнь. Она приходила на уроки из постели взрослого влюбленного мужчины и непонимающе смотрела на одноклассниц – как они могут переживать из-за оценок?!.. Ася рассказывала Зине подробности – как он ее целует, как гладит, какие слова шепчет. Зина слушала – и не слышала, как будто мысленно зажимала уши и кричала сердито – не говори, не говори!

Роман длился месяц, и в обеих девочках все это время пузырьками бурлил страх, выплескивался наружу: Зина нервно похудела, побледнела, а Ася нервно поправилась, порозовела. Зина боялась, что Ася теперь – плохая, а Ася волновалась, чтобы не узнали.

– А мне нравится Душечка! Она любит всех своих мужей, – с места сказала Ася.

Ася взглянула на Зину, Зина улыбнулась Асе.

Итогов этого месяца – месяца растления, любви? – было два, Зинин больной живот и Асины стихи. У Зины все время Асиного романа болел живот – от страха. Роман закончился, но боль не прошла, и ее маме пришлось отвести Зину к врачу, откуда они ушли с диагнозом «нервный спазм кишечника». Ася начала писать стихи, стихи лились из нее непрерывно, как вода из крана. Ася никогда прежде не проявляла интереса к литературному творчеству, Ася рисовала. Отец кричал ей «рисуй!», как другим кричали «делай уроки!». И вдруг – стихи. Стихи были совершенно эротическиоткровенные, бесстыдные-бесстыдные, написанные человеком, который без всякого стыда счастлив на празднике своего тела.

Зина выбрала самое нейтральное и послала стихи в журнал «Юность». Стихотворение начиналось со строчки «Спасибо, что все оказалось похоже...» и было о физической любви, но можно было подумать, что о любви ко всему, к жизни.

Никто не удивился, когда Асины стихи напечатали в «Юности», а затем в сборнике «День поэзии». А чему было удивляться? Все знали, что Ася талантлива во всем, она рисовала, мгновенно преображала тусклое платье каким-нибудь странным штрихом вроде кусочка меха, выдранного из сапога, фотографировала – и забывала проявить пленку, читала запоем стихи – и не узнавала ни одного поэта. Ася была небрежно талантлива, а небрежному таланту всегда успех. Зина умерла бы от счастья, если бы ее напечатали, а Ася, увидев журнал со своими стихами, улыбнулась и сказала что-то вроде «мя-ау!». Но у Зины была только одна способность – Зина все читала и все помнила.

– Женщина предназначена для любви к мужчине, – сказала Ася.

– Какому такому муш-шчине? – удивилась учительница.

– Не к муш-шчине, а к Гению или хотя бы Таланту, – вмешалась Зина. – Женщина должна жить страстью. К Генеральному секретарю, президенту, великому ученому, писателю...

– Да?.. А если ты выйдешь замуж за алкоголика, за ничтожество? – Что-то личное, над-
рывное прозвучало в словах учительницы.

– Я?! – презрительно скривилась Зина. Как будто учительница литературы предложила ей съесть лягушку, или сделать такой же, как у нее, начес из сожженных перекисью волос, или примерить свою давно вышедшую из моды кримпленовую юбку с отвисшей попой.

– Да, ты!.. А что? Все может быть... Страстью они, видите ли, будут жить, гению они, видите ли, будут служить или президенту... – пробурчала учительница. – А нормальную жизнь они не желают, простая человеческая жизнь им не по чину...

– Личный неудачный опыт мешает человеку правильно оценить ситуацию, человек думает, что его личное «плохо» – это норма жизни, – сказала Зина.

– Я думаю, ты права, Зина, – взмахнув ресницами, сказала Ася.

– А может, у вас будет один Гений на двоих... – упрямо продолжала ссориться учительница.

Учительница прекрасно знала, что девочки просто играют с ней, веселятся. Знала, но все равно всякий раз велась, как котенок на привязанный к нитке фантик. Но девочки неизменно ее раздражали, про себя она называла их всегда одинаково – «эти».

«Эти» вели себя, как будто они не в коллективе! «Эти» знали то, чего остальные не знали. Зина – о частной жизни русских писателей-классиков, о Блоке и Любви Менделеевой, о Тургеневе и Полине Виардо, была знакома со знаменитыми советскими писателями, и даже казалось, что она была знакома с Пушкиным и Гоголем. Ася могла сказать на уроке: «Меня интересует магия, мистика» или уж вовсе непонятное: «Мир – это пластическое единство материальной и духовной формы», – наслушалась дома всяких глупостей! Или рассказать, как была на «рыцарском балу» со свечами и масками... Ох уж эти художники... художники от слова «худо»!.. Вот бы их к ногтю! Но как их к ногтю, когда у Зины отец – знаменитый писатель, депутат, а у Асиного отца, по слухам, были выставки в Америке, в Италии, неофициальные точки зрения власти, но никто его за это не сажал. Поэтому эти... эти... эти... считают, что им все можно! Избалованные порочные детки знаменитых родителей! Куда лучше было бы работать в обычной школе!..

– Дневник на стол, Мессалина Егоровна. Двойка.

– Почему только Зине двойка? А мне?.. – обиженно сказала Ася.

– Почему я Егоровна?.. – улыбнулась Зина. – Играть с именами пошло. Вы ведь знаете имя моего отца.

– А ты не спрашиваешь, почему Мессалина?..

Зина отнесла дневник, села на свое место, написала на листке бумаги, выдранным из тетрадки: «Дура!» – и тут же резко перечеркнула. Такая у нее была привычка – выражать свои эмоции письменно, исключительно для себя, и тут же, воровато оглядываясь, словно кто-то стоит позади и осуждающе покачивает головой, чиркать ручкой. Ася заглянула, приписала «бессмысленная...» и добавила нецензурное слово из пяти букв.

2005 год

Здравствуй, Ася!

Достоевский был не прав. Он говорил: «Красота – это страшная сила», а оказывается, секс – это страшная сила.

..Господи, почему «Достоевский»?! За такие вещи – неточное цитирование – я сразу ставлю двойку, не слушая оправданий. Никаких «это же почти то же самое». Потому что приблизительное знание – это худший вид невежества.

«Красота – это страшная сила» – это Надсон, стихотворение «Дурнушка», написанное Семеном Яковлевичем в 1883 году. «Ах, красота –

это страшная сила!» А Достоевский: «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, и определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки». Достоевский устами Мити Карамазова разделяет красоту на истинную и низменную. Совершенно иной смысл, нежели у Надсона.

Если бы я нашла презервативы, я не перепутала бы Надсона с Достоевским! Если бы я нашла презервативы – это было бы прекрасно!

Ты говорила: «Никогда не знаешь, что может случиться, поэтому человек всегда должен иметь при себе хотя бы один презерватив. Но лучше – пачку, потому что никогда не знаешь, *что* может случиться».

Если бы я случайно уронила куртку своего мужа и из карманов высыпались бы на пол ключи, бумажник, записки, и зажигалка, и пачка презервативов!.. Или кружевная подвязка, наручники... что там еще бывает... порнографические открытки!

Это было бы забавно! Илья – главный культурный идеолог страны, а значит, наш Илюша – самый культурный человек в стране! Его знаменитое обаяние льется отовсюду: с экрана телевизора, со страниц всех газет и журналов. И вдруг такая пошлость – презервативы!..

Я бы выкинула эти презервативы – не из кармана Ильи, а из головы. И не стала требовать объяснений. Ты знаешь, что Илья сможет объяснить все. Например, скажет, что купил презервативы, потому что собирается осветить в прессе проблему безопасного секса... Я шучу... Не смешно?..

Если бы я нашла презервативы, это было бы прекрасно!

Но то, что я нашла, – это как будто взрыв, как будто конец света!

Не хочу я ни Надсона, ни Достоевского. Я хочу умереть.

Ася! Не бойся, я не умру, – у меня завтра доклад на заседании кафедры.

Ася, я знаю, что ты скажешь. Ты скажешь: «Ну что ты там нашла, подумай... Ты доктор наук, профессор, а такая дура!..»

С кем еще мне поговорить об этом, кроме тебя? Измена мужа – это пошлость. С тобой любая пошлость еще и смешна, а без тебя измена – просто пошлость и горе.

Знаешь, где находится душа? Душа – это комок в горле.

Зина.

Зина!

Подумаешь!

Ты доктор наук, профессор, а такая дура! При чем здесь «культурный идеолог»? Самый культурный человек на свете – тоже человек.

Зина! Презервативы – это прекрасно!

Человек прожил с тобой столько лет! Какая разница, что ты у него нашла! Может быть, можно оставить ему хотя бы немного собственной жизни?!

Что же ты такое страшное у него нашла – хлыст, наручники, фотографии мальчиков?!

...А кстати, зачем вообще искала?

Ася.

Здравствуй, Аська!

Как это «зачем искала»? Я не искала!

...Ну, если честно – я искала, потому что хотела найти *ничего*. Ничего не найти, чтобы убедиться, что нет никакой болезни, долгов, неприятностей. Думала, вдруг я пойму, почему он в последнее время такой отстраненный.

Я просто случайно увидела на его письменном столе...

Господи, Аська, ты что, не поняла?! Это *не были* презервативы! Это было хуже, гораздо хуже! Это было – все, что вы *не* хотели знать о сексе.

Моя первая мысль была – какой великолепный текст!

Так написаны эротические тексты французских авторов восемнадцатого века: изысканный поэтический язык, тонкие иносказания перемешаны с грубыми выражениями. В то время эти выражения не считались грубыми, и, кстати, – какой прекрасный перевод!.. Вот только одна странность: эротика того времени – это совершенно чистая эротика, не имеющая никакого отношения к личности персонажа. Впервые секс, изменяющий личность, секс как спасение от личностных проблем, от одиночества, секс как способ понять самого себя описан в «Любовнике» Лоуренса, – леди Чаттерлей после встречи с лесником становится совершенно другим человеком, не тем, которым она была до любви с ним... Но это уже двадцатый век, другой язык. Странно.

Я восхищалась стилем, пока не поняла, что я читаю как филолог, а я – обманутая жена.

Это не француз восемнадцатого века. Это Илья. Он описывает свою связь.

Для меня шок не то, что у него любовница! Мне все равно, сколько у него было любовниц, может быть, две, три, а может быть, без счета. Если бы его любовницы знали!.. Наверное, каждая из них надеялась, что она та самая «разлучница» и «уведет мужа из семьи». Если бы они знали!..

Но сейчас! Но это! Что он опять *начал писать!*

«Я ждал этого всю жизнь... в тебе все женщины мира... духовный и физический экстаз... ты единственная, кем я наслаждаюсь, со всеми остальными я просто спал... оргазм с тобой – это выход в гармонию с миром».

Неужели он может так думать, так чувствовать, так писать!

Знаешь что? Я хочу сделать ему больно, так больно, чтобы он... Я сделаю ему нечеловечески больно – за себя и за тебя!

Зина.

Р. S. Ася!

А кто она, как ты думаешь? Кто вызвал эту его любовную бурю? Женщина-вамп, из тех, у кого Евангелие вместе с Камасутрой? Восторженная студентка, которая лепечет: «Ах, какой вы умный»?

Сила страсти ведь совершенно не связана с самим предметом страсти. Может быть, для Ильи «все женщины мира» в какой-нибудь простенькой продавщице, может быть, его вдохновляет веселая парикмахерша, бойкая молочница?

З.

Дорогая Зина!

Для тебя ведь самое важное, что *ты* не сделала ничего плохого. А ты хорошая девочка: слушаешься маму, и все твои аспиранты вовремя защищаются.

Люблю, скучаю.

Ася.

Здравствуй, дорогая Ася!

Сегодня Старый Новый год.

Я собираюсь поговорить с Ильей. Холодно скажу: «В твоём эротическом произведении стиль не соответствует психологическому подтексту».

Я люблю Старый Новый год больше, чем сам Новый год. Новый год нужно «хорошо встретить», а Старый Новый год ни к чему не обязывает. У нас будут гости, а когда все разойдутся, я скажу Илье: «В твоём эротическом произведении стиль не соответствует психологическому подтексту».

У него там есть фраза, что их любовь (он использовал другое слово) – это как будто «ангелы играют золотыми шарами». Я понимаю, в этом сексуальный смысл. Но я не понимаю, почему с ней ангелы играют золотыми шарами, а со мной нет.

А знаешь, мое самое сильное сексуальное впечатление – это твои мимоходом сказанные слова, о которых ты давно забыла.

Это было в седьмом классе. Мы шли из кино – смотрели «Зеркало».

– Любуй Чебурашка лучше этой многозначительной зауми, – сказала ты.

Я задохнулась от возмущения, стала говорить, что Тарковский – это великое искусство.

А ты сказала:

– Успокойся, великое искусство обойдется без тебя. Тебе ведь тоже больше нравится простое кино про любовь. Просто я свободный человек, а ты нет. Положено восхищаться Тарковским, ты и восхищаешься. Монтаж у него, конечно, гениальный... А ты занимаешься мастурбацией? Я – да, а ты?

Ты сказала это так легко, будто спросила: «У тебя бывает насморк?»

– Я нет, а ты... часто? – выдохнула я, чтобы показать, что я тебя не осуждаю.

Ты сказала – иногда несколько раз в неделю, а иногда совсем нет, как захочется, – и заговорила о теории монтажа.

Это было мое самое сильное эротическое впечатление. Что ты сказала об этом мимоходом, словно это самое естественное в мире.

У меня ушел целый год, чтобы об этом забыть и перестать думать, как ты торопишься домой, чтобы поскорее начать себя трогать.

Глупо, да?

Люблю, скучаю.

Зина.

Здравствуй, Зина!

Твое нормальное давление – 110 на 70, а у тебя 140 на 90, Зиночка.

Чем думать о мастурбации в седьмом классе, лучше померяй давление.

Ася.

Ася!

где моя дочь сейчас три часа ночи Ася где моя дочь

абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети

абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети

Здравствуй, Ася!

Не волнуйся, Мася нашлась.

Ты хочешь узнать, что случилось? О-о, это – рассказ. Рассказ, новелла, набросок для романа «Супружеская жизнь», первая серия сериала «Наши соседи»...

У нас были гости, три пары: две пары – наши старые друзья, и одна пара – наш старый друг с новой женой. Новая жена моложе старых жен на двадцать лет и впервые в гостях в новом качестве. Была любовница-разлучница, стала жена. Ей бы вести себя поскромней, но она не обращала внимания на явную недоброжелательность старых жен, не поглядывала на часы, прикидывая, когда будет прилично уйти, в общем, «чувствовала себя как дома».

– Илья, а можно я заодно возьму у вас интервью? – спросила новая жена и, не дождавшись ответа, заторопилась: – Скажите, Илья, как можно оставаться в таком долгом браке?

Старые жены покосились на нее неодобрительно, но она не смутилась.

Новая жена – журналистка, пишет для глянцевого журнала. Неприлично прийти в гости к публичному человеку как к частному лицу и тут же попросить об интервью! Илья предъясняет свое остроумие, распахнутые от счастья глаза и чуть нервную манеру говорить «об интересном» каждому журналисту, и каждый журналист ловится на это.

Вот и эта, новая жена, решила, что именно с ней Илье особенно приятно поговорить.

– Я имела в виду – что происходит с людьми в таких долгих браках, – сказала она. – Свежесть чувств и... все такое.

– Деточка, я вам объясню, в чем прелесть долгого брака, – сказала одна старая жена. – Ваш муж в юности любил стихи Вознесенского, фильмы Тарковского, песни Окуджавы, а вы всего этого не знаете.

– А зачем нам вместе петь песни? – удивилась новая жена. Дурочка!..

– А и правда, зачем? – вступился Илья с интонацией Фрейдлих из «Служебного романа», дурочку нужно было спасать, даже ее собственный муж смотрел на нее как на безнадежную идиотку.

– Скажите нашим читательницам, что главное в браке? – кокетничала новая жена.

– Хорошо, я скажу, – вежливо кивнул Илья, как будто ведущий на передаче задал ему глупый вопрос, но ладно уж, он на него ответит. – Главное в браке – любить.

– Люби-ить? – разочарованно протянула новая жена.

– Да, люби-ить, – необидно передразнил Илья. – Любить себя.

За это его и ценят, за это его и рвут на части – телевидение, радио – за умение парадоксально ответить на самый глупый вопрос, за то, что он придает тупым передачам хотя бы немного интеллектуальности, как будто присаливает пресный суп.

– Когда вы с Зиной поженились, вы удовлетворяли условиям, необходимым для брака? Общие интересы, цели? – настаивала новая жена. – И чего вы ожидали от брака – вечной любви или понимания, тепла?

– Мы не удовлетворяли ни одному условию, которые так ловко формулируют психотерапевты в глянцевого журналах. К тому же мы были из разных социальных слоев: я мальчик из питерской коммуналки, а Зина – дочь знаменитого советского писателя. Мои ожидания от брака были – «любовь с интересом».

Илья улыбнулся, и все послушно заулыбались. Только он может позволить себе сказать такое, и чтобы все улыбнулись.

– Тогда тост: за вас, Зина и Илья, за то, что вы случайно так блистательно подошли друг другу, – вывернулась новая жена.

А она не такая дурочка, как кажется.

– Я так и напишу: в этом доме все прекрасно – и душа, и одежда, и мысли... Все так красиво, гламурно, просто идиллия!

Нет, все-таки *такая*.

Ну что же. В нашем доме все прекрасно, все гламурно, общую идиллию нарушают лишь измена мужа и запертые в шкафу ботинки. Разве бывают семьи без запертых в шкафу скелетов, разве бывают семьи без запертых в шкафу ботинок?

Перед приходом гостей разразился скандал – с криками, хлопанием дверьми, битьем тарелок. Кричал, хлопал дверьми, бил тарелки конечно же не Илья.

Я не отпустила Масю гулять, потому что у нее завтра семинар по истории правовых и политических учений.

Она кричала: «Я могла бы тебе не говорить про семинар, я сама тебе сказала как идиотка!»

Я кричала: «Ты и есть идиотка, не понимаешь, что важнее – правовые и политические учения или посидеть с подружками в кафе!»

Она заплакала от обиды, я заплакала от злости и от жалости к себе и... я выбросила в окно ее ботинки. Мася взвыла, как раненый зверек.

Интересно, когда я стою на кафедре и читаю лекцию или принимаю экзамен, мои студенты могут представить, что я – тоже человек и кидаюсь ботинками?

Я действительно это сделала – схватила ее ботинки и выкинула в окно, затем рывком вытащила ее из кровати и начала трясти, как куклу. Она убежала в пижаме на лестницу, я бросилась за ней и закричала: «Вернись немедленно, ты простудишься!»

И в этот момент пришел лифт, и из него вышел Илья с ботинками в руках. В любой драме есть элемент комедии и даже фарса.

– Девочки! Почему ботинки летают по воздуху! А почему вы выкатились со своим скандалом на лестницу... – сказал Илья. – А почему меня никто не предупредил, что мы теперь итальянская семья?

Илья вошел в дом, снял ботинок, замахнулся на меня ботинком и, бешено вращая глазами, закричал: «Женщина, где мои спагетти?!» Мася фыркнула и сказала:

– А я все равно не буду готовиться к правовым учениям.

– Нет, будешь! – заорала я. – История правовых учений – это основа для понимания современного права!

Кончилось все тем, что я заперла в шкафу эти ее несчастные ботинки... Не то чтобы у нее одни валенки и ей больше не в чем выйти. У нее целый шкаф обуви, но без новых любимых ботинок она никуда не уйдет. Посердится, пожалуется на меня подружкам по телефону, а потом начнет готовиться к семинару по истории правовых и политических учений.

Илья ворковал с журналисткой, я улыбалась и думала: гости уйдут, и я поговорю с Ильей.

Гости разошлись в три часа ночи, как в настоящий Новый год. Я подошла к Мasiной комнате – свет потушен, Мasiя спит. Она подходила ко мне пожелать спокойной ночи.

Когда я представила себе Мasiну золотую головку, склонившуюся над учебником по истории правовых и политических учений, я тут же растаяла от умиления, буквально превратилась в варенье. Это совсем не обидно – чувствовать себя вареньем. Для всего остального мира я вовсе не варенье, а профессор, доктор наук, автор монографий.

Мasiя всегда спит как убитая, и я не боялась ее разбудить, – стояла над спящей Масей и проговаривала вслух свое беспокойство, методично перечисляла все ее грехи, как будто читала лекцию:

– Ты опять опоздала на первую пару, не обедала дома, нельзя каждый день есть в кафе нездоровую пищу... Ну ладно, спи, моя маленькая, мой котенок...

Я наклонилась ее поцеловать, поправить одеяло, а там...

А там не Мasiя, а тюк! Кукла из подушек и одеяла! Я читала лекцию кукле из подушек.

...Мasiя не отвечала на звонки. Мы с Ильей обзвонили всех подружек, все больницы. Мasiя пришла домой под утро, в шесть сорок три: «Ой, мамочка, папочка, вы не спите... А я телефон забыла включить...»

Облегчение – слава богу, жива, желание убить на месте, недоумение – как же можно так?.. Чтобы я в юности хоть раз задержалась на десять минут – хоть пожар, хоть наводнение, – никогда, папа будет волноваться! А она?! Илья смотрел на Мasiю таким беспомощным взглядом, что, кажется, любой бы на ее месте устыдился. Но она совершенно искренне не понимает: «Я же сделала куклу из подушек». И все.

Как она могла?.. Сбежать, прогулять всю ночь? Да скорее всего ее вынудили куда-то ночью уйти. Какие-то подружки попросили помочь, а Мasiя не может отказать, она совершенно нерасчетливая, она очень добрая – себе во вред.

Как нормальный человек может так поступить? Как она будет жить?!

Зина.

Здравствуй, Зина.

Прекрасно будет жить, как все.

А ты сама виновата! Тебе сказали «спокойной ночи», значит, «спокойной ночи», и нечего к ней входить. А если все-таки вошла и видишь – тюк спит, то нечего его трогать, пусть спит спокойно.

И вообще, что страшного случилось? Она же не просто так ускользнула. Она же сделала куклу из подушек!

Ася.

Здравствуй, Ася.

Ася?

– Завтра у меня съемки ток-шоу, а вечером встреча, я приду поздно, – сказал Илья.

Я хотела холодно сказать: «Встреча с ангелами с золотыми шарами?.. Кстати, о твоём эротическом тексте...»

Я хотела сказать: «Тебе за сорок, и твои восторги просто смешны!»

А сказала совсем другое:

– Тебе за сорок, а ты бегаешь по ток-шоу. На что ты тратишь свою жизнь? Знаешь, кто ты? Эстрадный культуролог! Разве ты этого хотел? Всю жизнь болтать о культуре и ничего, понимаешь, ни-че-го в своей жизни не создать самому? Знаешь, кто ты на самом деле? Неудачник!

Но это я от любви! От любви, от беспомощности, от этих его ангелов, от невозможности докричаться!

Твоя несчастная Зина.

Зина!

Это твои штучки! Сказала бы как нормальный человек: «Ты мне изменил, я тебя за это ненавижу!»

А ты орешь: «Неудачник!» И говоришь, что это от любви. Да кому нужна эта твоя любовь?! Хочешь ударить по самому больному. Человеку, которого больно царапают, все равно, от любви это или от злобы! стыдно, Зиночка! Ты всегда так! Расцарапаешь человека до крови, а потом жалеешь себя.

И ни за что не попросишь прощения. Не можешь признать себя виноватой. Лучше будешь злобно плакать, пока не пожалеют и сами не попросят прощения.

Ты просто дрянь, Зина! Я бы на месте Ильи тоже тебе изменила!

Ася.

Ася!

...Господи, что же я не понимаю – нельзя говорить мужчине, что он неудачник.

Но ведь изменять тоже нельзя! Я просто хотела наказать его за измену самым больным способом!

И я не умею холодно сказать! Я же знаю, все, что он пробовал писать – не о культуре, а свое, – было красиво задумано, но ни разу не было доведено до конца, все превращалось в горсть песка, просыпалось между пальцами.

...Все так смешалось! Я не понимаю, не могу разделить обиду за физическую измену и за этот его текст, за ангелов с золотыми шарами, «духовный и физический экстаз», за то, что он так восторженно пишет, как мальчик! Как будто у него первая брачная ночь!

Ася?.. В нашу с Ильей первую брачную ночь меня на него стошнило.

Люблю, скучаю.

Зина.

Ася, привет!

Наша первая брачная ночь была не праздник любви, а всего лишь досадное недоразумение. Неловкость для всех, особенно для главных участников.

Мы должны были прямо со свадьбы поехать в свадебное путешествие в Ригу. Мы должны были быть в двухместном купе. Нам было бы неудобно, Илья обязательно упал бы с полки, мы бы засмеялись, мы бы были одни...

Но свадьба была в субботу, а билеты на поезд на воскресенье. Гостиницу в Риге заказали правильно, а, покупая билеты, перепутали дату. Вот мы и оказались дома, а дома – мама за стенкой!

Господи, моя мама... Моя мама, она слишком «интеллигентный человек», слишком «духовная», чтобы уделять внимание чему-то неинтеллектуальному, к примеру сексу.

Единственное наставление, которое дала мне мама, когда мне было 13 лет: «Ася уже взрослая девочка, ты скоро станешь взрослой... тебе необходимо соблюдать правила гигиены...» В ее словах была такая брезгливость к чужому телу – моему телу.

Единственное «материнское напутствие», которое дала мне мама перед свадьбой, было: «Надеюсь, что ты с ним не...»

– Я не... – заверила я, не очень понимая, что именно я «не». Не спала с Ильей до свадьбы? Или не должна спать с ним после свадьбы? Или обещаю относиться к сексу как интеллигентный человек? Интеллигентный человек испытывает наслаждение только от чтения, музыки, живописи, а не оттого, что кто-то пытается вставить в него кусочек своего тела.

«Я не...» – заверила я, и мама удовлетворенно кивнула.

И вот, пожалуйста, – первая брачная ночь рядом с мамой.

Мы приехали из ресторана, папа сразу же ушел в кабинет, Илья, как болванчик на веревочке, пошел за ним, а мы с мамой уселись в гостиной. Мама выложила конверты на стол, по очереди вытрясла из каждого деньги с объявлением, кто сколько подарил. Мама пересчитала деньги, удивилась – подарили так много?!

– А Илья все еще сидит у папы? Может быть, он женился на твоём отце, а не на тебе? – улыбнулась мама.

Мама привела Илью, вручила ему деньги. Илья стоял с пачкой денег в руке, не зная, куда ее деть, и наконец сказал маме: «Возьмите, пожалуйста», и мы еще несколько минут молчали, и комната все наполнялась и наполнялась неловкостью, как туманом, пока нам не стало трудно дышать.

– Ну что же... спокойной ночи, – наконец сказала мама, и мы, как куклы на ниточках, двинулись к моей комнате. Мама осталась в гостиной с лицом человека, который машет вслед уходящему поезду. О чем она думала? «С какой стати эта гадость должна произойти здесь, в моем доме»?.. Илья обернулся и от смущения сделал неловкий приглашающий жест – не хотите ли с нами?.. Мама в ответ сделала свое самое строгое лицо.

...Мы закрыли за собой дверь, и мне показалось, что я ошиблась дверью, что это не моя комната! Новая кровать вместо моей узкой тахты!.. Когда мы уезжали на свадьбу, ее не было! Ее привезли и поставили, пока нас не было дома, и это проникновение двуспальной кровати в нашу жизнь – тайком, с черного хода – показалось мне ужасно стыдным и неприличным.

Мы стояли у этой мерзкой кровати. Илья – в черном костюме, белой рубашке и галстукe, я – в фате и свадебном платье с двухметровым шлейфом. Илья двинулся ко мне, задел стул, стул упал на пол, я испуганно вскинулась – «тише!», и мы опять замерли друг напротив друга. Не то чтобы между нами совсем ничего не было, – мы целовались. На свадьбе, когда кричали «горько».

– Может, перенесем первую брачную ночь на завтра? – улыбнулся Илья, и я заплакала. Стояла и плакала, стараясь плакать бесшумно, – мама не спит, папа еще работает в кабинете, а мы тут шумим...

Это была вроде бы шутка, но и не шутка! Ты, Ася, никогда не слышала таких слов – «перенесем на завтра»!

– Смотри, у медведя подарки, – сказал Илья.

На кровати сидел потрепанный розовый медведь, в одной лапе у него было что-то красное кружевное, а в другой – коробка конфет и газетный кулек.

– Это такой художественный жест, привет из детства, – сказала я. – Ася забежала ко мне в комнату перед свадьбой и подкинула мне своего медведя. И сунула ему в лапы конфеты. Мы съели у нее дома тонны конфет! Александра Андреевна приносила с работы конфеты, которых не было в магазинах: «Красная шапочка», «Мишка на Севере», грильяж, прятала коробки в огромный шкаф. Мы с Асей ели конфеты прямо в шкафу, забирались в шкаф и ели. И еще у нее дома всегда были карамельки: «Дюшес», «Барбарис», подушечки. Наверное, у медведя в кулке карамельки.

Ты, Ася, думала, что мы бросимся кормить друг друга конфетами, эротично размазывая шоколад, есть одну подушечку на двоих?.. Спасибо, тебе, Ася, но нет. Нам ни медведь не помог, ни конфеты!

И даже красные кружевные подвязки для чулок, которые ты купила для меня у спекулянтов. По-твоему, я должна была их надеть?.. Если бы ты, Ася, была невестой, твой муж бросился бы к тебе без всяких кружевных подвязок и конфет. Я вообще против таких вещей. Это как-то глупо – специально надевать чулки и прочее. Мой муж должен любить меня – меня, а не какую-то сексуальную приманку!

Илья подошел ко мне, обнял. Я думала: сейчас он почувствует сексуальное возбуждение, и все само собой получится. Ждала, когда же случится то, что ты говорила: я должна почувствовать, будто во мне гуляет ветер, и дальше я начну действовать бессознательно – прижмусь к нему, или поглажу, или даже расстегну ему рубашку. Но я совершенно не была «бессознательно», наоборот! Я напряженно думала – сколько я должна ждать этого ветра, минуту или больше? Ты говорила – всего несколько секунд! Почему я ничего не чувствую? Уже прошла целая минута, – я сосчитала до шестидесяти, со мной что-то не так?

Я ничего не чувствовала, только неловкость от того, что мы стоим, как фигурки на свадебном торте, замерев в неподвижном кукольном объятии. И еще неудобство от того, что Илья наступил на этот дурацкий шлейф. Я отстранилась, вытащила из-под его ноги шлейф.

Илья так и не смог снять с меня это сложное платье! Попытался развязать все эти ленточки и запутался со шнуровкой.

И что ему было делать? Начать раздеваться самому? Тогда бы он оказался голым, а я в платье и фате. И еще – я не хотела раздеваться. Я не могла избавиться от глупого опасения – вдруг мама войдет? Мне казалось – нельзя раздеваться, нельзя издать даже звук, мама все услышит... Но ведь когда мы с тобой ночами пели песни, смеялись и курили, я не боялась, что она почувствует запах дыма! А тут я прямо *видела*: вот она входит, встает рядом с нами, смотрит на меня с выражением «не вздумай заниматься гадостями!» и говорит: «Ты мне обещала, что ты не...»!

Получается в точности по Фрейдю – мама виновата...

– Если ты будешь так себя вести, я не смогу. Не смогу ничего, понимаешь?.. – сказал Илья.

И это наконец-то все поставило на свои места. Я не могла допустить, чтобы все так закончилось, чтобы в мою первую брачную ночь он от меня отказался.

– Ты ложись, а я сейчас приду... – решительно сказала я.

Выскользнула из комнаты, прислушиваясь к тишине квартиры, с напряженной спиной прошагала в ванную. Выйти из ванной в халате было нельзя – вдруг мы с мамой встретимся в коридоре, и она подумает, что мы уже... или, что мы еще не... Что бы она ни подумала, любой намек на то, что у нас первая брачная ночь, был совершенно невозможен! Я с трудом натянула на влажное тело это чертово платье и свадебным привидением прокралась в свою комнату.

...Илья сказал, что я похожа на мумию в Эрмитаже – лежу неподвижно на спине и смотрю в потолок со строгим лицом. Но это неправда! Я не смотрела в потолок со строгим лицом, я просто старалась не заплакать! И все-таки заплакала.

Это так трудно объяснить!.. В романе Ильи – я к тому времени уже выучила его наизусть – была героиня, девушка неземной красоты и совершенно бесполоая, равнодушная к физической любви. Илья так восхищенно о ней написал, как будто она его идеал! Этот образ – это же просто слова. Но эти слова как будто стали у нас кем-то третьим. Я заплакала, потому что он сам написал, что эта холодность – его идеал, а от меня требует чего-то совсем другого! Глупо, по-детски, но я же была еще не взрослая.

Илья сказал, что я Снежная королева, что я холодная, что я фригидная. Теперь-то я понимаю, – он хотел меня обидеть, потому что ему самому было страшно, невыносимо обидно. И он тоже был еще не взрослый.

В ответ я его поцарапала. Ася, помнишь, как я тебя царапнула в первом классе? Ты смеялась и сказала, что я, как ваша кошка Муська, бледнею от злости, сжимаю губы, больно царапаюсь, а потом подлизываюсь? Но к нему я не подлизывалась, это был беспомощный злой царап.

– А ты женился на мне по расчету, – сказала я. – Я не фригидная, это ты... Ты просто не умеешь! Это вообще зависит не от женщины, а только от мужчины!

Вот так, купаясь то в моей злости, то в раскаянии, мы понемногу продвинулись до того, что в литературе называется миссионерской позой, и тут меня стошнило.

Ужас, да? Я снова прокралась в ванную, принесла таз с водой, мы, стараясь не шуметь, стирали в тазу простыню, по очереди ходили менять воду, повесили простыню сушить на спинку стула и заснули счастливые, – что эта незабываемая ночь любви, наконец, позади.

Но что вообще бывает в первую брачную ночь? Лучше всего как в романах: она смущенная девственница, и ему досталась сладкая роль открыть перед ней новый мир. А если девственница из самолюбия притворяется несмущенной, а сама полна страхов? А если она знает, что он сравнивает ее с другой? Тогда все запутывается.

Ася! Ты скажешь – зачем думать, что тебя с кем-то сравнивают? Что все это из-за моей вечной боязни, что меня меньше любят, чем других?

Помнишь, Илья за пару минут набросал «наши портреты» на вырванном из тетрадки листке в ресторане «Метрополь»?

«Представьте, входит красавица в зал... Это Зина. Официант упал в обморок и оттуда, из обморока, пробормотал: „Настоящей русской красавице – лучшую котлету“. Такой наивный патриотизм, для этого паренька „красивая“ непременно означает „русская красавица“.

Ну какая же Зина – русская красавица? Где национальное буйство красок, бровей, кудрей, ресниц, губ?

Может быть, Зина – немецкая Гретхен? Но где же ротик, носик, щечки, как розочки?

Не-ет, Зина не принадлежит ни одной нации, Зина – это космос. Может быть, Зина – Белка и Стрелка? Но для Белки и Стрелки у Зины слишком тонкие черты лица. И где же хвостик?

Зина высокая, как сосна в черничнике, тонкая, как хлыстик, длинноногая, как стрекоза, огромные серые глаза на пол-лица, прямые светлые волосы доходят до маленькой аккуратной попки.

Попка?! Нет! У Зины нет ни попки, ни попочки, ни даже попы. У несовершеннолетней девицы Зины такое холодное и строгое лицо, что даже самому отъявленному педофилу не придет в голову испытать к ней вождление. Зиной можно только восхищаться, благоговеть перед ее чистотой. Зина слишком красивая.

Кстати, в выражении ее глаз есть что-то пугающее. Жесткость, готовность дать отпор?

Вот она, Зина, чужеземная кинозвезда, прекрасная принцесса. Злая принцесса».

А вот твой «портрет»:

«Официант не сводит с Аси глаз, прикрывает подносом низ фартука, он испытывает непрекращающееся вождление. И не понять его невозможно, я и сам... Ася смуглянка-молдаванка – 90-60-90, на которые у каждого встречного случается незапланированная эрекция.

И при такой-то убойной сексапильности взгляд у Аси невыносимо трогательный, как у олененка в зоопарке, и губы у Аси как у олененка, большие, пухлые, и вся она – губы-глаза-челка – олененок с заплетающимися ножками. В общем, Ася – это увидел и пропал».

В первую брачную ночь меня стошнило на моего мужа. На нашего мужа.

У нас же с тобой всегда все было общее, правда?

Скучаю, люблю тебя.

Зина.

Здравствуй, Асечка-мурасечка!

У нас была *такая* брачная ночь и затем *такая* сексуальная жизнь, потому что мы с Ильей – брат и сестра. В духовном, конечно, смысле. Не так, как в сериалах, когда вдруг обнаруживаются потерянные дети, исчезнувшие родители...

Ася! Мы трое были предназначены друг другу для любви, дружбы и общей судьбы. Можно выразиться так высокопарно. А можно сказать и проще: мы все детство и юность крутились на одном пяточке – Литейный проспект, Фонтанка, улица Маяковского. Этот район у нас теперь называют «золотой треугольник», имея в виду цены на жилье.

А между тем Илюшина квартира так и осталась жуткой запущенной коммуналкой. Я как-то от ностальгии отправилась на экскурсию. И что ты думаешь – все тот же полутемный двор-колодец, душный подъезд, страшная лестница.

Все как тогда, вот только во дворе теперь Антикварный дворик, стены подворотни расписаны граффити, а раньше была только лужа... И я, как много лет назад, уткнулась в дверь, облепленную звонками с грязно-белыми бумажками «Петровы, два звонка» – дзинь-дзинь, «Ивановы, три звонка» – дзинь-дзинь-дзинь, представляешь?!

Оказывается, все были связаны еще до нашего рождения, все время пересекались, как будто жили не в Ленинграде, а в околотке. Но это был Ленинград.

Илья появился на свет благодаря твоей бабушке.

Я пришла к вам впервые, когда мои родители уехали в Москву на юбилейный концерт Лемешева в Большой, он тогда в пятьсот первый раз пел Ленского. Меня оставили с домработницей, а я от нее ускользнула и пришла к тебе. Мне было семь, и я нисколько не удивилась, когда Александра Андреевна вышла с папиросой, одна папироса во рту, другая заложена за ухо, и представилась мне:

– Александра Андреевна, врач-гинеколог женской консультации при роддоме на улице Маяковского, известном ленинградцам как Снегиревка. Вы в курсе, что Галича исключили из Союза кинематографистов?

– Нет, – испугалась я.

– Плохо. Интеллигентный человек должен быть в курсе. Кто ваши родители?

Она была вылитый крокодил Гена, с этим ее тягучим голосом. А я почувствовала себя Чебурашкой, у которого есть возможность приобрести друзей.

– Мой папа – писатель, – радостно сказала я, пытаюсь повысить шансы стать своей в этом доме.

– Писатель?.. – заинтересовалась Александра Андреевна.

– Да! Папа пишет книги для взрослых, но сейчас написал книжку для детей – про крепкую дружбу девочки-таджички и мальчика-чукчи.

– Ах, вот оно что... – разочарованно протянула Александра Андреевна. – Ну, конечно... у нас же образовалась новая историческая общность – советский народ. Твой папа молодец.

Я по ее тону поняла, что папе поставлен какой-то нехороший диагноз, а мне не удалось повысить свои шансы. Ей не понравилось, что мой папа – советский писатель. Но чего она ожидала? Что мой папа Набоков или Солженицын?.. Ну, бог с ней, она была прекрасным человеком.

Илюша появился на свет благодаря Александре Андреевне, а Галочка, Илюшина мама, шила Александре Андреевне бюстгальтеры в ателье на Литейном.

Кроме нестандартного размера бюста у Александры Андреевны был критический взгляд на все проявления жизни, и где бы Александра Андреевна ни появлялась, она со всеми вступала в страстные сложносочиненные отношения. Безропотная Галочка терпела и улыбалась, у нее был на редкость неконфликтный характер, и ей поручали самых сложных заказчиц.

Илья любит сказать, и в интервью, и в частной беседе, что он «дитя ленинградской коммуналки» и вырос в пролетарской среде. Он так грустно и гордо об этом говорит, что все тут же ахают – как же это-как же это, ведь вы буквально дышите культурой, вы же наше все...

А помнишь, как он стеснялся этой коммуналки, и что нет отца, и даже маму?.. Свою маму он был готов пронести на руках по всему миру, но когда она неправильно ставила ударения, его как будто током дергало.

Илья был назван Ильей, когда ему исполнилось шесть недель внутриутробного развития. Меня в этом возрасте называли просто «беременность шесть недель», а тебя «направление на аборт». Александра Андреевна говорила: «Я выдрала из рук этой натурщицы направление на убийство моей единственной внучки». Говорила: «Твоя, Ася, так называемая мать упорствовала в своем желании тебя убить».

А он уже был человек, названный в честь отца, Ильи, а фамилии отца ребенка Галочка не знала.

Представляешь, какая сцена была в кабинете женской консультации? Я ее вижу, как будто у меня в голове показывают кино.

– ...Живете? – спросила врач Галочку.

Оцепеневшая от ужаса Галочка кивнула, изумившись странному вопросу, ставившему под сомнение ее существование.

– Ну? Вы живете или нет? – басом рявкнула врач.

– Я да, живу. По адресу Литейный проспект, дом 53, квартира 12, комната 14 метров, – послушно ответила Галочка, решив, что в этом страшном кабинете свои правила, отличающиеся от правил реального мира. Уже в самом визите к гинекологу ей чудилось что-то неприличное, как будто она была заранее виновата. Если женщина замужем, ей можно ходить к гинекологу, а если нет, то визит к гинекологу – позор.

– Живете половой жизнью? – громко и отдельно пояснила врач, как будто Галочка была умственно отсталая. И, уловив бесшумное умирающее от стыда «даа», голосом, которым командир посылает солдат в атаку, велела: – На кресло!

Александра Андреевна посмотрела на Галочкины тонкие, в синеватых пупырышках, как у цыпленка, разведенные ноги в аккуратных белых носочках, смерила взглядом застывшую в кресле тщедушную фигурку, неожиданно пышные светлые кудри, разметавшиеся в изголовье кресла, маленькое нежное личико, – вылитая знаменитая манекенщица Твигги, угловатый подросток с инфантильным выражением лица.

– Расслабься, не зажимайся так!.. Так и знай, я недовольна – плохо сел, сбоку топорщится, – грозно сказала врач, пристраивая зеркало в Галочкиных глубинах. Галочка шевельнулась, стараясь помочь ей, но, оказывается, речь шла не об этом страшном инструменте. – Я тебя узнала. Это ты мне бюстгальтер испортила.

Галочка боялась, что врач станет ее ругать за то, что она потеряла девственность не в замужестве, что она, получается, легкомысленная, гулящая, как проститутка, и то, что ее ругали за плохо сшитый бюстгальтер, ее приободрило. Врач мяла пальцами Галочкин живот, а Галочка слабо пыталась оправдываться, ведь бюстгальтер сидел отлично. Теперь и она узнала Александру Андреевну, – эту заказчицу она называла про себя «Петр Первый», такая она была величественная, со строгим лицом, усиками, звучным басом и переменчивым нравом. Это она написала Галочке в «Книгу жалоб и предложений» на одной и той же странице один едкий ругательный отзыв и две благодарности.

– Беременность восемь недель, – пробасила Александра Андреевна.

Незамужняя сирота Галочка Петрова смотрела в грязный от весенних протечек потолок с просветленным лицом, затем, чуть приподнявшись, поглядела на сердитую усатую Александру Андреевну как на ангела, принесшего благую весть.

– Беременность есть, а мужа нет, – констатировала Александра Андреевна, и Галочка сжалась, – откуда она знает, неужели у нее внутри что-то не так, как у порядочных женщин?..

– Направление на аборт, – бросив зеркало в таз, интимным басом печально произнесла Александра Андреевна.

– Большое спасибо, – вежливо пискнула Галочка.

– «Спасибо, да» или «спасибо, нет», – насмешливо поинтересовалась Александра Андреевна.

– Спасибо, нет, – выдохнула Галочка.

– А я тебе говорю, аборт-то проще, – искушала Александра Андреевна. – Дурочка ты...

Подружка в ателье тоже назвала Галочку дурой.

– У тебя чего с ним? – спросила она Галочку.

Галочка могла бы ответить, что они дружат, но она сказала честно: «Мы решили пожениться». Подружка поняла, что это иносказание означает, что они спят друг с другом.

– Ну и дура. Раз ты ему дала, он теперь фиг на тебе женится. Ну, если что, сбегашь на аборт.

Слова «сбегать на аборт» не устраивали Галочку с эстетической точки зрения, казались ей грязными, унижительными для чего-либо, имеющего отношение к такому замечательному человеку, каким был... Как сказать, кто он? Муж – он был не муж, «любовник» было словом не из Галочкиного лексикона, друг – тоже нет, как он может дружить с ней? Он такой необыкновенный, культурный, в очках, с книжками в портфеле и красивым словом «диссертация». Он – это одно, а она – совсем другое. Мысленно Галочка всегда называла его красиво и значительно – «любимый человек». Любимый человек, узнав о беременности, не рассердился и не бросил ее, но и жениться не обещал, а она сама не спрашивала, не вздыхала, не смотрела томно, не намекала.

– Твой прихвешник где, уже бросил тебя? – открывая карту, ворчливо спросила Александра Андреевна.

Галочка все еще с разведенными ногами, не смея слезть с кресла без разрешения, с достоинством возразила, хотя в позе распластанной лягушки ей было трудно соблюдать достоинство:

– Он не прихвешник, а любимый человек.

– Скажите, пожалуйста, какие мы романтические белошвейки... – пробормотала Александра Андреевна. – Хорошо, где он, любовник белошвейки, мушкетер? Уехал за подвесками, спасать королеву?

– Он не мушкетер, а любимый человек, – упрямылась Галочка.

Галочка не поняла, почему любовник белошвейки – мушкетер, при чем здесь какие-то подвески, она не читала «Трех мушкетеров», она вообще со школы не прочитала ни одной книги. Ни о чем умном она никогда не размышляла и вообще особенно не размышляла, не обдумывала отношения, но у Галочки, детдомовской девочки, была внутренняя тонкость, не позволяющая ей суетиться, просить, навязывать себя, требовать. Она

считала, что если жизнь ей чего-то не предлагает, значит, ей этого не положено. Она просто любила своего любимого человека, и беременность от него казалась ей благом, в том самом, прямом, библейском смысле.

– Я его назову как отца. Илья, Илюша, – теплым грудным голосом, будто приласкав, сказала Галочка.

– Что Илья, Илюша? Ах, Илюша... – протянула Александра Андреевна. – Слезай с кресла, чего ты ждешь? Что я загляну в тебя и скажу: «Здравствуй, Илюша»? До одиннадцатой недели приходи за направлением на аборт, не позже. Позже не дам, и не проси, не умоляй.

– А можно мне родить? – робко попросила Галочка. Ей отчего-то показалось очень важным получить разрешение от этого страшного доктора, как будто в ее силах было запретить рожать и навсегда разлучить ее с Илюшей.

– Можно, раз уж ты такая дура, – милостиво разрешила Александра Андреевна.

Аборты, запрещенные с 30-х годов, снова разрешили в 55-м, и за десять лет она выдала направлений без счета таким романтичным белошвейкам с маленькими миленькими личиками, не понимающим, что за минутную романтичность придется расплачиваться годами одинокой беспомощной любви. Но она так радовалась, когда можно было сказать: «Будешь приходить на осмотр раз в месяц». Она нам с тобой уже тогда говорила, что аборт – это убийство. Тогда было совсем не модно так говорить, а модно было считать, что женщина сама имеет право решать, жить ее ребенку или нет.

Раз в месяц не получилось, получилось раз в неделю, и даже чаще. Галочка Петрова буквально прописалась в кабинете Александры Андреевны, у нее была самая толстая карта в консультации: отеки, белок в моче, недостаточная прибавка в весе, угроза выкидыша. Александра Андреевна называла Галочку «горе мое» и возилась с ней так страстно, будто в Галочкином цыплячем теле был ее собственный внук. А не Илюша Петров.

А еще она говорила, что твою мать удалось заставить прийти показаться всего один раз за всю беременность. Послушай, теперь уже можно спросить. Ты говорила: «Мне наплевать, что моя мать испарилась из нашей жизни, как мокрое пятно с футболки». Или это просто красивая фраза? Прости, что спросила.

Пока.

Зина.

Дорогая Зина!

Разве я так говорила – «мне наплевать»? Ну... я просто не любила думать о неприятном. Кому же приятно, если ты ребенок и тебя бросили.

Но что это у тебя – ностальгия, кризис среднего возраста, наброски для романа? Или у тебя все аспиранты защитились, все статьи сданы и тебе решительно нечего делать? Еще можно квартиру убрать или постирать-погладить. Разве у тебя нет других проблем, почему ты вдруг вспомнила о Галочке?

Люблю, скучаю.

Ася.

Привет, Ася.

Я вспоминаю о Галочке, потому что у меня нет других проблем. У меня нет никаких проблем – все мои аспиранты защитились, у меня есть домработница, а у моего мужа есть любовница.

Я вспоминаю о Галочке, потому что Илья мне изменил!..

Илья был такой невероятно светский, обаятельный и загадочный! Мы с тобой гадали, кто он – сын дипломата, или директора завода, или космонавта, или ректора университета. На вопрос, где он живет, он так неопределенно махнул рукой в сторону Невы, что я фыркнула и спросила – в Зимнем дворце, что ли? Он загадочно улыбнулся – почти.

А он вырос среди женского белья. Мы ведь вдвоем пришли к нему, да? Или сначала ты, а потом уже мы вместе? Квартира показалась нам очень смешной, – на входной двери табличка «квартира высокой культуры», а внутри, в коридоре, двенадцать дверей, на огромной, полутемной, выкрашенной в синий цвет кухне шесть плит. В туалете на стене висело двенадцать стульчаков, на гвозде разрезанные листочки газет, «Вечерний Ленинград» и «Ленинградская правда». Там стоял такой странный запах – не вокзального туалета, а хлорки и ржавой воды.

Повсюду белье. На веревках висело белье, на плитах кипятилось белье в баках, на полу стояли тазы с замоченным бельем. Я никогда не видела коммуналки и не представляла, что жизнь в коммуналке – это жизнь тела, жизнь белья.

– Наша квартира чрезвычайно культурная, – серьезно сказал Илья. Я не поняла, это была шутка? Но на всякий случай улыбнулась тонкой понимающей улыбкой.

– Некультурные люди у нас в квартире ходят в семейных трусах, – добавил Илья. – Знаете, что такое семейные трусы? Одна семья носит друг за другом, сначала отец, потом бабушка... А одна семья у нас культурная, они называют советское белье «эта дикость» и выходят на кухню в красивом немецком белье. И есть семья совсем культурная, их белье я никогда не видел, они никогда не появляются в negligé, только в кальсонах или в трениках с отвисшими коленками.

Тут я поняла, что он смущен и решил развлечь нас, как будто он знаток женского белья, при помощи иронии как бы отстраниться от всего.

– Вот это принадлежит Марье Петровне, моднице пятидесятых, – голосом экскурсовода сказал Илья. – Грация с эластичными вставками, комбинация из синтетики, отделанная оборками, жесткий бюстгальтер в форме конусов, – позволяет достичь модных в пятидесятые годы осиной талии и высокого бюста.

– ...А вот байковые панталоны «Дружба», сохранились с пятидесятых годов, со времен дружбы с Китаем.

– ...А вот трикотажные панталоны на пуговицах длиной до колен, абрикосовые, голубые, сиреневые, с начесом, с толстыми резинками, сначала надевали трусы, потом пояс с резинками, потом панталоны.

– ...А вот гэдэровские комбинации, они искрят.

– ...А теперь чулки. На любой вкус – в резинку, капроновые, шерстяные, хлопчатобумажные. На нашей кухне колготки появились, когда мне было лет пять. У меня в детстве был лифчик с резинками, а чулки сзади спадали и морщинились под коленками. У вас были чулки, девочки?

У нас не было чулок, у нас были сразу же колготки. Я слушала его и удивлялась – не абрикосовым панталонам, а Илье. Странная экскурсия, странно, что он без стеснения говорил «трусы, чулки», Илья, такой красивый, умный, посреди всего этого безобразия...

Я, наверное, тогда в него влюбилась.

Пока, дорогая. Завтра у меня две лекции.

Зина.

Ася, здравствуй!

Из роддома Илюшу встречал телевизор «Знамя». Александра Андреевна, определившая по гинекологическому осмотру Галочкино будущее одиночество, оказалась права – любимый человек был-был, а к Илюшину появлению на свет исчез.

Пока Галочка была в роддоме, любимый человек сделал ей подарок – телевизор «Знамя». На телевизоре лежал конверт, Галочка недоуменно повертела его в руках, открыла – деньги, сто рублей. И записка, в которой говорилось: отношения с Галочкой были возможны, отношения же с Галочкой и ребенком невозможны. Ради ребенка лучше, чтобы в его жизни не было отца, а в будущем был совсем другой отец. Он не хочет, чтобы ребенок страдал... а деньги будут регулярно приходить на Главпочтамт до востребования. Галочка не поняла, почему для Илюши лучше никогда не увидеть своего отца, чем видеть его хотя бы по праздникам.

Еще «любимый человек» подарил Галочке холодильник «Саратов». Пузатый холодильник «Саратов» включался с ревом, шумел, как будто это космический корабль при взлете, сейчас оторвется первая ступень, и холодильник взлетит и полетит по небу. Любимый человек осыпал Галочку золотым дождем в виде телевизора «Знамя» и холодильника «Саратов» и исчез из ее жизни.

О холодильнике и телевизоре «любимый человек» позаботился, а о кровати нет, а Галочку увезли в роддом неожиданно, поэтому Илюшу положили в ящик комода.

У Илюшиной колыбельки собрались феи – Петр Иванович, Мария Петровна, Васька.

Холодильник и телевизор сразу же изменили Галочкин статус в квартире. Из неудачницы, матери-одиночки она тут же стала самой удачливой в квартире – если к незаконному младенцу прилагаются такие ценные подарки, значит, сам младенец чего-то стоит, а отец его – засекреченный разведчик, или член правительства, или черт его знает кто. Илья до сих пор по-детски уверен, что его таинственный отец – космонавт или разведчик...

Телевизор и холодильник выполняли роль няньки. Телевизоры в квартире были не у всех, и те, у кого они были, пускали соседей за сложную систему услуг и подхалимства, а Галочка пускала всех. Телевизор не умолкал, – Илюша вырос под «Голубой огонек», Эдиту Пьеху, Майю Кристалинскую. Холодильники тоже были не у всех, многие держали обычные продукты между окон в комнате, а к Галочке забегали то положить, то вытащить что-то особенно ценное. Все смотрели телевизор, все шныряли за своими продуктами и заодно подныряли Илюшу, делали козу и меняли пеленки. Так что он с самого рождения был любимчик.

Когда Илюша подросток, Петр Иванович брал его с собой в баню, Васька научил его мять газетную бумагу перед использованием, а Мария Петровна одарила его умением чистить селедку. Илья говорил: они были люди как люди, не добрые, не злые, только очень простые. В романах о бедных, но умных детях всегда находится какой-нибудь сосед-изобретатель или соседка-дворянка, которые как-то приобщают бедного умного ребенка к культуре. А это была какая-то заколдованная квартира – в ней жили только простые люди. Нас всегда учили, что простые люди непременно хорошие люди, но это не так, они были – просто простые. Семья рабочего Кировского завода, семьи мастера пошивочного цеха, техника-смотрителя, фотолаборанта, бухгалтера. Ежевечернее выпивание по маленькой, по субботам в баню, раз в месяц в кино, ни громких скандалов, ни милиции, ничего такого, просто люди, просто жили. Некоторые уезжали, в их комнаты въезжали новые жильцы, новые, но такие же. Некого вспомнить, кто Илье книжку пусть не прочитал, но хотя бы показал.

Ася?.. Я скажу тебе, почему я все это вспоминаю. Потому что я его безумно люблю.

Зина.

Ася, здравствуй!

Ты спрашиваешь, что случилось?.. Почему я с утра такая нервная?

Господи, ну что случилось... Ничего. Обычное утро.

Каждое утро я бужу Мاسю. Если я ее не поставлю на ноги, она проспит свою жизнь... Это игра слов, но я имею в виду – если я не выволоку ее из кровати и не поставлю на пол, она проспит первую пару. Проспит вторую пару, третью, проспиг до вечера.

Наш обычный ритуал – поглаживание по голове, похлопывание по попе, щекотание пяток, подставленная под нос чашка кофе.

Мася закрывается с головой одеялом, а во мне все дрожит – мне так мучительно, что она может опоздать, как будто я сама опаздываю на лекцию. А я еще ни разу в жизни никуда не опоздала!

В конце концов, я вытаскиваю ее из кровати. Мася стоит с закрытыми глазами, покачиваясь, заваливается на бок, как куль. А я нервно озираюсь по сторонам – так, учебники, тетради, телефон... Каждое утро у меня на секунду происходит смещение сознания – как будто я могу проснуться вместо нее, быстро собрать вещи вместо нее, пойти в ванную и прийти вовремя на первую пару вместо нее!

Что дальше? Дальше я стою с часами под дверью ванной и кричу:

– Мася, тебе осталось полчаса до выхода!.. Двадцать минут до выхода... пятнадцать... пять минут до выхода!

Масе все равно, сколько времени до выхода, все равно, что она опоздает на первую пару, все равно, что первая пара уже началась.

Мне кажется, что Мася в ванной спит. Включает воду и досыпает, пока я стою с часами наперевес.

Каждое утро, стоя с часами под дверью ванной, я думаю: это я виновата. Я отдала ее в школу с шести лет. Она была такая развитая, умненькая, я боялась, что она потеряет год. А теперь она в 16 лет на первом курсе, и это мой долг – приучить ее к режиму.

Мася выплывает из ванной, наконец-то выплывает из дома. И только когда хлопает входная дверь, я расслабляюсь: все в моей жизни правильно – ребенок на занятиях в университете.

Мой папа говорил: «Человек счастлив, когда поступает правильно».

Каждое утро, когда Мася уходит в университет, я испытываю острый приступ счастья: я приняла правильное решение, выбрав для моей дочери юридическое образование. Юрфак – это не только самое престижное место учебы, не просто профессия, не только определенный круг, связи. Юрфак университета – это уже навсегда определившаяся жизнь.

Было очень трудно, невероятно трудно!

Ребенок может поступить на юрфак, если ты *кто-то*. Если ты *кто-то*, тебе не нужно просить, твоя фамилия по умолчанию в нужном списке. Это свой мир. Илья не знаменитый юрист, не большой чин в администрации города, и при всей его известности в этом мире он не величина.

Ребенок может поступить, если ты никто. Тогда правильные репетиторы возьмут у тебя деньги за поступление.

А Илья и не кто-то, и не никто. От Ильи хотели других услуг, и это было в сто раз труднее, чем просто заплатить!

Нам сказали, что Масю, скорее всего, возьмут. Как дочь своего отца-любимца всей культурной публики, дочь университетского профессора, внучку своего знаменитого деда. Но на вступительных экзаменах она *должна показать*.

Но что может показать Мася, кроме фиги? Никакой склонности к общественным наукам у нее нет.

Со сколькими людьми Илья встречался, договаривался, просил!.. Как я унижалась, чтобы она попала в нужный список!.. А репетиторы – на эти деньги можно было весь год переезжать с одного европейского курорта на другой!

Но Мася не дурочка, она понимает, что университет – это подарок, который нужно ценить.

Люблю, скучаю.

Зина.

Ася!

Какие удивительные вещи происходят на свете!

Галочка узнала, что у нее родился не вполне русский ребенок, только когда принесла Илюшу из роддома. Когда одна из фей, наклонившихся над Илюшей, – кажется, Петр Иваныч, сказала: «Ух ты, жиденок или армяшка». Фея сказала это беззлобно, просто констатируя факт Илюшиной черноглазости, темных кудряшек, пушистых ресниц, смугло-розовых щек.

Это звучит смешно, как если бы у Галочки родился черный ребенок, а она только тогда узнала, что ее любовник черный! Но негр все-таки черного цвета, а как ей было распознать в любимом человеке чуждые черты, откуда она могла знать, какого рода-племени его большие глаза в ресницах, черные короткие волосы, рисунок губ... Галочка знала, что бывают нерусские люди, они черненькие, горбоносые, смуглые. Но любимый человек был неяркий, приглушенных коричневых тонов, имел нетипичную внешность, иначе бы соседи сообщили Галочке, что она связалась с жидом или армяшкой... Об отце Галочка раз и навсегда сказала «погиб» и точно держалась этой версии, но где

погиб, почему погиб, насколько героически погиб, Илья никогда не уточнял. Илья не знает не только фамилии своего отца, но и половины своей крови. Он не знает, кто он – наполовину еврей, или армянин, или, может быть, грузин.

Первой ночью вдвоем с Илюшей – это была новогодняя ночь – Галочка под рев холодильника смотрела «Голубой огонек». Пела Эдита Пьеха, недоступно прекрасная в платье с круглым вырезом, пела Майя Кристалинская, на вид попроще, больше своя. «А у нас во дворе есть девчонка одна», Галочке казалось, что песня о ней. «Я гляжу ей вслед, ничего в ней нет», она слушала и плакала. И на исходе ночи Галочке спел 20-летний красавец Муслим Магомаев – белая рубашка, бабочка, темперамент... темпераментом он напомнил ей отца Илюши, и она снова всплакнула.

Перед следующим Новым годом пришла последняя весточка от него – посылка, плащ болонья, и каждый Новый год Галочка ждала, но это уже было все.

Деньги – 25 рублей – приходили регулярно до Илюшиных пяти лет. 25 рублей было много, очень много, можно было купить 25 кг севрюги горячего копчения в магазине «Рыба» на углу Невского и Рубинштейна, а Галочкина зарплата была 80 рублей плюс премия.

Когда Илюша шел рядом с нежной невзрачной блондинкой Галочкой, казалось, что это не ее ребенок. К ней обращались: «Вы нянька? Какой красивый малыш!»

Илюша получился без вины виноватый – от исчезнувшего отца ему осталось сомнительное имя вкупе с сомнительной внешностью. Черноглазый, весь в ресницах, черноволосый, кудрявый, пухлощекый, пухлогубый – очаровательный армянский, грузинский, еврейский ребенок. Должен был быть сокровищем большой семьи, бабушек, дедушек, тетушек, дядюшек. А он был птенец в чужом гнезде, без отца, семьи, защиты круга, к которому должен был принадлежать. У него была только Галочка, и соседи по квартире, и плохой мальчишка во дворе, который через раз называл его «армяшка» и «жиденок». Было не страшно, но Илюша задумался, – других ведь так не называли.

В квартире Илюшу не дразнили безотцовщиной, жиденком или армяшкой, в квартире он жил как... знаешь, как кто? Как принц, когда все вокруг понимают, что он подкидыш, но принц!

Главная причина – сам Илюша, его невероятная детская красота, ласковость и умение ладить с людьми.

А неглавная причина – Галочка.

В квартире все всех за что-нибудь осуждали, кого за жадность, кого за неряшливость, кого за неправильный рецепт борща, особенно любили осудить за распущенность, за кружевную комбинацию, какие носят одни проститутки. Но бывшую детдомовскую девочку Галочку, к которой ходил вечерами мужчина, не обижали, не шипели ей вслед, даже когда стало понятно, что свадьбы нет, а живот есть. А потом уже Илюша есть, а свадьбы все нет. Как будто в квартире посреди кальсон и трико царило свободомыслие и толерантность.

К Галочке было особенное отношение. Портниха по бюстгальтерам – очень нужный человек.

– В бюстгальтере самое важное покрой и форма, бюстгальтер организывает фигуру, – объясняла Галочка. – Что такое грудь? Это полусфера. Берем кружок, вырезаем вытачки, вроде просто. Но у кого такая фигура, чтобы кружок с вытачками сидел и организовывал фигуру? Ни у кого. Все топорщится, выпирает. Или если у кого-то грудь больше стандартного размера, – ведь в магазине можно купить номер 3, 4, ну, 5, а если больше? А если у кого-то нулевой, а хочется, чтобы грудь казалась побольше? Требуется индивидуальный подход.

Галочка шила соседкам белье на выход – для похода к врачу. Еще она переделывала лифчики, которые носили летом, под сарафаны. Тогда ни за что нельзя было, чтобы выглядывали лямки лифчика. Я видела у нее вырезку из журнала «Работница»: «Вы можете сами переделать один из своих лифчиков так, чтобы спина оставалась открытой. Отрежьте у лифчика спинку, к каждому из отрезанных концов пришейте резинку, излишек материи заложите вовнутрь и застрочите. Обе резинки пришейте к узенькому пояску, равному окружности талии, и сделайте застежку». Ну, кто же сам может «заложить вовнутрь и застрочить»?! Вот она и шила для всех соседок, бесплатно. Еще делала для всех детей квартиры гольфы – отрезала чулки, подшивала край и вставляла резиночку.

Галочка была мастерица по продлению жизни вещей. У нее была книжка «300 полезных советов», и она все знала – как использовать старые резиновые сапоги, как подкрасить белье при помощи кофе. Капроновые чулки сначала надевала на выход, потом поднимала петли, потом хранила в чулках лук или надевала на веник, чтобы он не рассыпался, а из двух старых связанных чулок сделала вешалку для сушки Илюшиных рубашек.

У Ильи дома была книга «300 полезных советов» и журналы по пошиву белья с Галочкиной работы, других книг в доме не было. Галочка говорила «ложут», «выпимши», «пионер». Как могло получиться, что Галочка говорила «ложут», а маленький Илья умилял взрослых – и раздражал детей – изысканно правильной речью? Что это, врожденные филологические способности, языковое чутье, какое-то внутреннее ухо?..

Всем известно, что мальчик весь состоит из психологических проблем своей матери. У Галочки были разные проблемы, к примеру, она никак не могла привыкнуть, что мясо стало стоить 2 рубля вместо 1 рубля 50 копеек, и еще она прожила одинокой, без мужчины, всю свою жизнь... Но *психологических* проблем у нее не было. Она была чудная, нежная, но одноцветная, без сложной душевной жизни.

Как на этом простодушном кусочке земли вырос невиданный цветок? Книжный мальчик, который по узнанной цитате узнает своего, расцветает при упоминании мало кому известного поэта? Все знают, как Илья оригинально и ярко мыслит, но только я знаю, какой он тонкий и нервный, даже сентиментальный – может заплакать в кино или над стихотворением, не обязательно хорошим, но и пошлым, – вдруг что-то его тронет, и выкатится слеза... А как легко он теряет свое знаменитое, переливающееся через край обаяние, когда чувствует, что его не любят!.. Все это знаю только я.

Ну, и ты, Ася, конечно, знаешь.

Скучаю, люблю.

Зина.

Ася!

Честное слово, я сейчас закончу с прошлым! Можно мне еще только несколько слов?..

Илюша появился на свет благодаря твоей бабушке, а мой папа – ты, наверное, не знаешь, мой папа был кумиром Илюшиного детства.

Мой папа приходил на встречу с юными читателями в Илюшину школу в Графском переулке. Для папы это было что-то вроде общественной нагрузки в Союзе писателей, а для нежного октябренька Илюши – самое сильное детское впечатление, – как молния, как пожар, как землетрясение...

Учительница расставила в классе папины книги. Книги были для взрослых, и ни одну из них Илюша не читал. Но для Илюши было достаточно, что это были Книги. Каждую перемену он подходил к стеллажу и незаметно их гладил, проводил пальчиком по корешкам и даже нюхал. Книги и правда имеют запах...

Ну, а когда папа вошел в класс, ему чуть не стало дурно – Илюша прежде никогда не видел живого писателя, и ему показалось, что к ним в класс пришел бог.

На встрече Илюша отличился – задал вопрос: «Откуда у вас сюжеты, когда уже столько написано книг?» Мой папа сказал, что Илюша, наверное, писательский ребенок, поскольку знает слово «сюжет» и знает, как тяжело с сюжетами, которых действительно имеется некоторый дефицит. Оба они весьма комплиментарно подумали друг о друге: Илюша подумал, что мой папа – бог, а папа подумал, что Илюша – писательский ребенок.

Илюша решил, что «писательский ребенок» означает, что он станет писателем, когда вырастет, как жеребенок, вырастая, становится лошадью, а козленок козлом. Илюша был уверен, что бог спустился с небес и предсказал ему будущее. Трогательно, правда? И немножко жалко Илюшу. Тем более, что встреча с писателем не прошла Илюше даром.

После этой встречи Илюшу долго дразнили «девчонка-печенка» и просили показать девчоночье неприличное. Потому что от возбуждения при мысли, что писатель сумел разглядеть в нем его истинную породу, Илюшу страшно замутило, и он едва успел донести свое возбуждение до ближайшего туалета, и это был туалет для девочек.

Ну, все, все! Я закончила с прошлым.

Вот только еще одна маленькая деталь!

Моей маме приблизительно в это время вдруг ненадолго взбрело в голову, что она хочет работать, и она два месяца работала. Сидела на абонементе в библиотеке им. Маяковского на Фонтанке. По правилам, самому подходить к полкам не разрешалось, можно было попросить библиотекаря «дать что-нибудь почитать», и не больше, чем три книги. Но Илюша пользовался маминым особенным расположением как самый читающий мальчик района, и она пустила его к полкам. Через некоторое время Илюша появился из глубины зала, весь облепленный книгами, и она очень смеялась, потому что на нем висели «Как закалялась сталь», «Повесть о Зое и Шуре», «Мальчик из Уржума», «Занимательная астрономия» и почему-то «Госпожа Бовари».

Все.

Ты спросишь, откуда я все это знаю? Кое-что я на самом деле знаю, а кое-что просто *знаю*, потому что очень люблю того маленького Илюшу, который все время читал книжки.

Хотя Илюша не только читал книжки... Его очень интересовали девочки. Илюша ходил смотреть на тебя, Асенция, во двор кинотеатра «Колизей» – во двор нашей школы. У тебя, Асечка-Асечка, появилась грудь, когда все остальные еще только мечтали о лифчике. Наш Илюша был не из тех, кто хочет просто тайком полюбоваться, у него были другие намерения, был план – подкрасться к тебе сзади и провести линейкой по спине, с целью убедиться, что ты уже носишь лифчик, и ввести тебя этим в смущение. Но ты оказалась не из тех, кто смущается! Ты обернулась, надула губы, как будто предложила Илюше себя поцеловать, и приветливо сказала: «Тебя интересует, ношу ли я лифчик? Я ношу лифчик». Мальчик Илюша мгновенно пропал, влюбился, как... как мальчик, и был влюблен целую неделю.

Но не задавайся, Асечка-Асечка! На самом деле я не знаю, кто была эта девочка. Но точно не ты, – когда Илюша начал интересоваться лифчиками, мы с тобой даже не были еще октябрятами, так что хотя бы раз в жизни Илюша был влюблен не в тебя.

Пока, Асенция, люблю тебя, несмотря на то что у тебя уже в седьмом была грудь, а у меня нет.

Зина.

Здравствуй, Зина.

У меня была грудь не в седьмом классе, а даже раньше, Зиночка-Зиночка!

Ася.

Ася!

О чем мне с ней говорить – о венерических болезнях, о морали, об эмоциональной неготовности к сексу?!

Зачем ей это?! Разве девочка в 16 лет может испытывать это... ну, что там полагается испытывать – возбуждение, оргазм... фу! Даже думать об этом противно! Ничего она не может испытывать, это только распушенность! Это противоестественно – подростковый секс!

Я испытываю чувство брезгливости к собственной дочери.

Ужасно, что я испытываю чувство брезгливости к собственной дочери, да?

Господи, Маша, моя золотая девочка!

Ася! Ты же не сомневаешься, что я воспитала мою дочь *правильно*. Так же, как воспитывали меня, – книги, живопись, музыка! Маша – золотая головка, золотая девочка, мы с Ильей 16 лет каждую секунду таяли от нежности – сколько счастья от такого ребенка.

У Маша прекрасная речь, она не говорит на этом мерзком нечеловеческом жаргоне, который я слышу от своих студентов: «жесть», «прикольно», «замутить». Что происходит с русским языком?! Можно «замутить бизнес» и «замутить с кем-то»!!!!

Язык – это точное отражение нравственности. Если можно «замутить бизнес» и «замутить с кем-то», то уже само выражение предполагает, что это не любовь, а легкие необязательные отношения, неразборчивый секс.

Но Маша, она не для этого. Моя дочь не такая, как все!

Что случилось? А вот что случилось! Она даже не постеснялась меня!

Я пришла домой, а у Маша в гостях мальчик. Сидят на кухне, пьют чай, – так мило.

Мы пили чай втроем, и я думала – какой хороший мальчик, учится в университете на медицинском факультете. Третий курс, а у него уже есть печатные работы совместно с научным руководителем. Хорошо бы у Маша с ним завязалась дружба, нужно его как-то приманить к дому, познакомить с Илей, сходить всем вместе в театр или в филармонию. В шутку спросила Машу: «Что такой умный мальчик с тобой делает?»

Это, конечно, шутка. Маша особенная. Куда бы я ее ни приводила в детстве – в музыкальную школу, в художественную школу, – везде говорили: «У вас особенная девочка». Она не закончила музыкальную и художественную школу от избытка способностей, у нее таланты как золотой фонтан, то рисует, то музыку сочиняет, то стихи.

Когда они ушли, я зашла в ее комнату.

Не спрашивай, как я поняла.

Она оставила в своей комнате совершенно недвусмысленное подтверждение того, что такой умный мальчик с ней делает.

Почему?! Почему такая прекрасная небрежность?! У нее даже нет опасения, что я увижу и пойму! Она оставила *это* так же просто, как чашку с недопитым чаем. Не потрудились даже застелить постель. Вот так наивно, бесхитростно... Что это, отношение к сексу как к чему-то совершенно естественному? В ее возрасте?!

Я убрала. Я убрала и ничего ей не сказала. Потому что – вдруг она поймет, что я видела эту гадость. Лучше я сама все уберу, и как будто ничего не было.

По всему понятно, что у Маша это не первый раз. Не спрашивай, как я догадалась.

...Она не постеснялась привести мальчика, не узнав, дома ли я! А если бы я пришла до того, вернее, во время того... В общем, если бы я пришла, заглянула бы к ней в комнату, а они... Я бы, наверное, умерла.

Ну, теперь ты поняла?! У моего ребенка ранняя сексуальная жизнь. Как будто Маша – девочка из неблагополучной семьи.

Ася! Не вздумай сказать, что дети из благополучных семей тоже «трахаются»! Не смей произносить это мерзкое слово! Иначе я вообще прекращу эту переписку!

По-твоему, я должна разрешить моей 16-летней дочери «трахаться» на моих глазах! Ну, нет! Позволь мне воспитывать мою дочь, как я считаю нужным!

Ася! И не вздумай сказать, что все повторяется! Что это семейный сценарий, что в нашем доме был запрет на любовь, на сексуальность. Не вздумай говорить все эти фрейдистские глупости про мою маму! Да, моя мама пресекала все «телячьи нежности», не разрешала мне обниматься, лезть на руки к папе, и сама никогда не прикасалась ко мне, не обнимала меня. Все это

действительно формирует отношение к сексу как к чему-то стыдному, – но я-то совершенно другая! Я совсем не то, что моя мама, я хорошая мать!

...Моя мама тоже не плохая мать, просто она такая... До сих пор я не могу ничем с ней поделиться, потому что всегда должна быть перед ней на пятерку. Но она меня никогда не похвалит, никогда! Даже когда я защитила докторскую, она не сказала «молодец», а просто кивнула... Мама не виновата, это такой типичный советский интеллигентский комплекс – детей нельзя хвалить, их нужно готовить к жизни. Но я не такая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.